Вече №14, 1984

ЛАГЕРНАЯ ПОЭЗИЯ

СТИХИ ВАЛЕНТИНА З/К

В газете «Русская Мысль» (23 февраля 1984 года) было опубликовано „Обращение бывших советских политзаключенных в „Международный ПЕН-клуб", авторы которого успешно ходатайствовали о приеме в эту организацию писателей русского поэта **Валентина Петровича Соколова**, известного под псевдонимом Валентин З/К. В Обращении, в частности говорилось:

„Валентин Зека начал свой путь по зонам ГУЛАГа в сталинские времена, по знаменитой 58-й статье УК РСФСР. Вот даты его пребываний в неволе:

1947 г. – 1956 г
1958 г. – 1968 г.
1970 г. – 1971 г.
1972 г. – ...

Сейчас он находится в Черняховской психиатрической больнице специального типа (СССР, 238100 Калининградская область, город Черняховск, учр. ОМ-216, ст-2, 1-е отделение). На бессрочное пребывание в психбольнице-тюрьме он проговорен судом только за свою политическую деятельность – по статье 190 (1) за „клевету на советский строй".

Хочется верить, что это Обращение и принятие Валентина З/К в ПЕН-клуб положит начало борьбе за спасение большого русского поэта, о котором недавно напомнил наш альманах статьей Махмета Кулмагамбетова (подписавшего названный документ).

Уместно напомнить, что впервые стихи Валентина Соколова увидели свет в самиздатском журнале Владимира Осипова «Вече» (№ 4 – 31 января 1972 г.). Публикация сопровождалась коротким введением:

„Валентин З/К (Зека) – Валентин Петрович Соколов, род. 1927 г. – с 1947 по 1956 и с 1958 по 1968 годы находился в заключении. Мотив – стихи „враждебного" содержания. Однако, помимо т.н. „враждебных" стихов, Валентин З/К писал на темы любви, природы и родины. В настоящее время тяжело болен. Проживает в г. Новошахтинске Ростовской области. Стихи печатаются без ведома автора – это первая публикация Валентина З/К в СССР."

Первая – и последняя. Немного печатали Валентина З/К и за пределами СССР: помимо изданного в Израиле сборника „Поэзия в концлагере", журнал «Русское Возрождение» опубликовал в 1979 году наиболее известную его поэму „Гротески" (по авторскому списку).

Между тем, поэзия Валентина З/К – явление уникальное. Выразительным языком старого лагерника, где за каждым словом опыт лично пережитого, он создает навсегда запоминающиеся образы и картины страшного мира.

Юродивый
в бушлате рваном
Стал родине
живым экраном...

И во всем – пронзительной остроты лиризм, истинная стихия этого гениально одаренного поэта-самородка, которого медленно убивают вот уже несколько десятилетий.

Птица отколет
крылом синевы
кусок
упадет

Предлагаем несколько стихотворений Валентина Соколова – из Лагерной тетради. Все стихи печатаются по автографам.

С нар словно черные статуи
Рушатся злые, косматые:
Бей его гада!
Округлое зеркало взгляда
Кем-то разбито в осколки
Нары ломают, воют как волки
Жизнь отымают чью-то
Эх, на минуту бы круто
Вздыбить вот это над миром
И показать квартирам
Полным цветов и уюта.
Взглядом заржавел я в рыжем
Больно мне! Жутко мне!
Кто-то заржал и выбежал
Нож унося в спине.
Дверью голодной проглочен
Он побежал подарить
Черному телу ночи
Руки и сердце в крови.

1959 г.

Оглушили как дубиной
Днями сидки в пустоте
Тот, кто жил на высоте
Не просил у неба скидки.
Он навстречу страшным нам
Глаз выкатывал смотреть,
Перед тем как умереть
Смерть за глотку схватывал
И была причина в этом
Многих свет струящих дел –
Человек не зря сидел
Десять, двадцать лет.
Появлялись на дороге
Пятна крови, на крови
Вырастать цветам любви
И прекрасной нови.

1959 г.

Вы молчите, а мы говорим
Иногда в нас стреляют в кричащих
Нас ломают тупыми руками труда
На костях наших ваши растут города
Там, в сибирских завьюженных чащах.
Вы живете в квартирах построенных нами
И молчите как рыбы.

1961 г.

В каждом слове – собор
В каждом слове – Сибирь
Огневые рождающий струи
Рот –
Это твой эшафот
Умереть за сказанья живые.
Выйдет в красной рубахе палач –
Политрук
Рвать палитру из рук
В трупных пятнах и в знаках отличия труп
До предела циничен и туп.
Он уронит топор
В каждом слове – собор
Кровь рождается пролитой кровью
В каждом слове – Сибирь
Зарешеченный дом
И огонь под нахмуренной бровью.

1963 г.

Я сражен, я не могу
Больше
Поклонись, моя душа,
Богу
Я всего лишь человек
человеку
Нужно пламя
Отогреть руки
Нужно солнце каждый день
видеть
Человек меж синих льдин
ходит
Высота течет глазами
моими
Я затерян в темных контурах
ночи.

1961 г.

Рот твой накрашен
Ногти тоже
Белая чаша –
Тела овал
Я эту чашу
В ночах целовал.
Пьешь из нее
И всегда остается
Тело твое
Как струя из колодца.
Но я не пустыня,
Чтоб пить без конца
Мутную пену
Пустого лица.

1961 г.

ссылку.

Я искал тебя в тебе
Так как ищут неба в небе
Ты была и человек
И прекрасный белый лебедь
Ночь и солнце
Зной и снег
В каждой женщине тупик
Солнце юного лица
Спит
Оно не греет
Я искал в тебе сестру
Шел к погасшему костру
Трепетал едва коснувшись
Храма тела твоего
Нес тебя к себе глазами
От тебя едва очнувшись.
В каждой женщине - тупик
Солнце юного лица
Спит.

1962 г.

большого ру-
наш альманах статьей Махмета Кулмагамбетова (подписавшего названный документ).

Я на воле, вольным стал
Мысли словно волны в сталь
И от этого „на воле“
Только глубже море боли
Лиц мелькают острова
И слова, слова, слова...
Я на воле, вольным стал
И меж пыльных стен
Проношу свой полный стан
Окнам сдаться в плен
Между тысяч есть одно –
Прорубью на дно.
Мне стволами пушечными
Эти окна явлены
В грязных стеклах мутный блёск
И кричит зеленый лес
На камнях раздавленный
И срываясь с пьедесталов
В небо статуи плывут
Люди липкие, хвостатые
В тихий прячутся уют
Да, от этого „на воле“
Только глубже море боли.

1961 г.

По земле сады, сады
И следы, следы, следы
А по сердцу холод, холод,
Холод словно синий молот
Бьет
Сведет она с ума
Эта длинная зима.
Ты за ней следи, следи
Кружат белые следы
Под каскадом белых кружев
Ветки синие висят
По утрам сверкает инеем
Подошедший к окнам сад
А по сердцу холод, холод,
Холод словно синий молот.

1961 г.

Час пробил – хана ханыгам
Досвиданья, чайхана!
Горе тем, кто не попробовал
Горя горьковского дна.
Здравствуй, унтер Пришибеев!
Мне большому разреши
Подарить глазам плебеев
Книгу солнечной души
Горе тем, кто не изведал
Рук, завязанных узлом
Тем, кто каждый день обедал
Так свирепо не везло.
Вам еще не мало топать
Через жизнь, ходули ног
Потому что в каждом деле
Колеи больших дорог
Час пробил – хана ханыгам
Закрывайся, чайхана!
Горе тем, кто не попробовал
Горя горьковского дна.

1961 г.

Люблю седых
  И ненавижу юных
Я не монах – я сам грешу
  Но я не дам плясать греху
На обнаженных взгляду струнах.
  Моя гитара говорит
О теплых чувственных касаньях
  Но хор откуда? – голосами
Черниц и ангелов звенит.

1962 г.

  Не обессудь, послушай:
Тяжелый путь прошла моя душа
Я шел такими дикими местами
  Где человек быть не стремится выше
На каждой плоскости ты был раздет
И вынут из пропасти своих печальных дум
  А руки стынут на ветру от счастья
  А руки станут синими от света
Теперь ты ищешь у меня тепла, огня
Я дам тебе любви так много
  Беги в меня – я золотая дверь
    Я ночь,
      Я песня,
        Я – дорога.

1961 г.

Этот уж –
Ваш муж.
Как сумел он вас обвить
Ваше маленькое тело
Кольцами любви?
Черными жгутами
Захлестнуть глаза
Черным-черным цветом
Разлучить с цветами.

1962 г.

Милая – осколок неба,
Зеркало мое туманное
Меж холодных злых зеркал
Профиль мой весь день мелькал
Милая – осколок неба,
Как мне тихо и тепло
Ночи черное стекло
Брать из рук твоих
Ночи черное стекло
Если даже упадет
На цветы и ветви сада
Все равно не разобьется
В этой черной тишине
До утра скользить луне
Милая, осколок неба...

1962 г.

Чуть заметное смещение
Икон
И словно на ладони
Вся жизнь моя – и явь и сон.
Не раз менялось освещение
Поступков тех или иных
Встречались тени
На путях стальных
А воздух
Был преображен
В огонь
И крыл огромных трепет –
мой сон,
А явь, как детский лепет...

1963 г.

Если статуи начнут
Танцевать на пьедесталах
Если ночь мою качнут
Черным пламенем в бокалах
Я и сам к тебе навстречу
Черной лилией качнусь
Рук твоих просить у ночи
Губ и глаз и сердца, милая.

1963 г.

Будьте осторожны!
Вас женщина любит
А это очень опасно
Постольку поскольку
Любить не умеют сегодня.
Хотят вас иметь
Ручной обезьянкой
Водить на цепочке
Вокруг обнаженного тела
Орудье убить человека...
Особенно бойтесь красивых!

1962 г.

Дорогая, сделай, сделай
Ночь подобьем вьюги белой
Пляшут люди-колдуны
Когда в землю кол луны
Пусть звучит она без слов
Песня белых лепестков
В голубых осколках сна
Ветер, звезды и луна
И рукам светло и колко
В огневом струеньи шелка
Черным вихрем огневым
Ночь прильнет к цветам
живым.

1962 г.

АННА АХМАТОВА И ЛЮДИ С ТРЕХСЛОЙНОЙ ДУШЕЙ

„Впервые я услышала имя и стихи Ахматовой в 1935 году... Книги Ахматовой я увидела лет двадцать спустя..."

Это признание Раисы Орловой в книге „Мы жили в Москве".* От себя добавлю – услышала тогда, когда ей по возрасту полагалось услышать, правда, не только услышать, но и понять. А книги можно было увидеть значительно раньше – в Москве же жила.

И еще, что следует запомнить: – „Но долго я даже не знала – жива ли одна еще."

„Анну Андреевну Ахматову я увидел **впервые** в мае 1962 года..." – Лев Копелев в той же книге. **Впервые** – выделено мною. Он же: „Я слушал царицу русской поэзии".

Но „царствование" Ахматовой длилось уже свыше сорока лет, а он только в 1962 году увидел её. Судя по его возрасту, он примерно тридцать пять лет должен был знать „царицу" – но был в эти годы и глух, и слеп. Не хотел знать. А тут – „Глаза у меня были мокрые..." Читатель, запомним и это – были времена, когда были значительно более веские причины для слез.

„Я сидела с Лидией Корнеевной Чуковской... и стала вспоминать „Реквием"... Лидия Корнеевна оглянулась по сторонам и сурово прервала: – Мы, нас, кажется, десять, молчим об этом уже больше двадцати лет."

---

* См. «Грани» № 131, 1984. Р.Орлова, Л.Копелев – „Встречи с Анной Ахматовой"

Если вены расхлестать
Крови красные хвосты
По стенам пойдут плясать,
Изогнутся нависать
Черные мосты...
Выпью грам триста
Заору в голос
Ждет меня завтра
На работе голод
От труда горбаты
И горбы как гробы
Мы не люди - лопаты
В черных пальцах судьбы
Жрать захочешь - выроешь
Яму ближнему своему
С каждым днем ближе
И понятней тюрьма
По ночам к тебе бежать
Тихой сказкой письма...

1963 г.

В узловатых развилках
Этих каменных гряд
Жизнь свою ты разбил как
Сиреневый сад
Умереть мне в тюрьме
На заплеванных нарах
В этой каменной сумке
Я как солнца кусок
Пью из каменной рюмки
Дня серебряный сок.
На высокие стены
Тень моя упадет
Жизнь уйдет постепенно
Постепенно уйдет
А не лучше ли сразу
От удара ножа
Выпить белое море
В темноте этажа?
В узловатых развилках
Этих каменных гряд
Жизнь свою ты разбил как
Сиреневый сад.

Изолятор 1962 г.